

ЖОРЖ ЛЕФЕВР

Великий страх

Истерия и хаос
Французской
революции

УДК 94(44).04+ 323.27+159.942

ББК 63.3(4Фра)521.1

Л53

Georges Lefebvre

LA GRANDE PEUR de 1789

Перевод с французского Дениса Бондаревского

Научный редактор Юлия Сафронова, историк-франковед

Дизайн обложки Алексея Коннова

Лефевр Ж.

Л53 Великий страх: Истерия и хаос Французской революции / Жорж Лефевр ; [пер. с фр. Д. В. Бондаревского]. – М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. – 352 с.

ISBN 978-5-389-26530-1

Что испытывает человек накануне ужасающих потрясений? Великий страх, волной охвативший народ накануне Французской революции, повлек за собой панику, паранойю, хаос, которые не поддаются описанию. Голодные крестьяне, стекающиеся в города в поисках работы. Бродяги, просящие милостыню у крепостных стен. Бесчисленные бунтующие толпы. Все это – проявления массовой истерии, охватившей Францию летом 1789 года, однако история любого крупного потрясения намного глубже, чем кажется на первый взгляд. За фасадом восстаний всегда скрываются отдельные человеческие судьбы.

Выдающий историк Жорж Лефевр описывает феномен Французской революции, передавая всю глубину потрясений простого народа. Приближая читателя к бунтующей толпе, он заставляет переживать те же чувства и эмоции, чтобы понять, что испытывали люди, когда брались за оружие.

УДК 94(44).04+ 323.27+159.942

ББК 63.3(4Фра)521.1

ISBN 978-5-389-26530-1

© Armand Colin 2021, 3^{éd}, new presentation, Malakoff
ARMAND COLIN is a trademark of DUNOD Editeur – 11,
rue Paul Bert – 92240 MALAKOFF

© Бондаревский Д. В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Предисловие

Когда Жорж Лефевр (1874–1959) опубликовал свое исследование о Великом страхе в 1932 году, ему было 58 лет. Он начал университетскую карьеру поздно — только в год защиты своей докторской диссертации «Крестьяне Севера Франции во время Французской революции» (*Les Paysans du Nord pendant la Révolution*). Несколько лет он преподавал в Страсбургском университете вместе со своими друзьями Марком Блоком и Люсьеном Февром, с которыми участвовал в создании журнала *Annales d'histoire économique et sociale*¹. Их объединял общий подход к истории, и современники иногда называли их историческим трио. Эрнест Лабрус писал, что «главным из троих был Лефевр». Между тем у Лефевра были свои особые заслуги: благодаря своим книгам, статьям и докладам он стал одним из основателей социальной истории «снизу», частично вдохновленной «Социалистической историей Французской революции» Жана Жореса. Лефевр также сумел стать одним из главных историков Фран-

---

¹ «Анналы экономической и социальной истории» (*фр.*). — *Прим. пер.*

цузской революции. В 1932 году, сразу же после смерти Альбера Матьеа, Лефевр стал председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала *Annales historiques de la Révolution française*¹. Несколько лет спустя, в 1935 году, он занял должность профессора в Сорбонне, затем, в 1937 году, стал заведующим кафедрой Французской революции, сменив Филиппа Саньяка, которого он хорошо знал по прежней работе в журнале *Revue du Nord*² в Лилле.

Став классической работой, монография «Великий страх 1789 года» заняла особое место в творчестве Жоржа Лефевра. Это, конечно, обусловлено не только ее значимостью и влиянием, но и целями, методологией и формой. В некотором роде можно говорить о гибридном жанре книги. По масштабности исследования, использованию многочисленных фактов (по словам автора, «нет истории без эрудиции») и глубине анализа монография приближается к диссертации *Les Paysans du Nord*, продолжая ее дух, но не имея при этом ничего общего с неоднозначным подходом Альфонса Олара при одновременном сохранении такой же исторической амбициозности. Это действительно выдающееся произведение. При этом Лефевр учел критику со стороны Олара, который во время защиты диссертации в качестве серьезного недостатка отметил ее слишком строгий стиль. На этот раз, благодаря простоте, ясности и точности языка, а также разделению текста на короткие главы и отсутствию примечаний — о чем, как утверждает автор, он сожалеет, — охватывается более широкая аудитория. Лефевр уже использовал ранее подобный подход в своей работе «Французская революция» (*La Révolution*

¹ «Исторические анналы Французской революции» (фр.). — Прим. пер.

² «Северное обозрение» (фр.). — Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.

française), подготовленной совместно с Раймоном Гюйо и Филиппом Саньяком для знаменитой серии *Peuples et Civilisation*¹ (1930). Без сомнения, этот двойной характер книги способствовал ее успеху и многочисленным переизданиям — в 1956, 1970, 1988 годах и, в очередной раз, в наши дни.

В начале 1930-х годов значимость этой работы была обусловлена тремя основными факторами. Во-первых, в ней предпринимается попытка идентифицировать собственно Великий страх, который Жорж Лефевр отличает от страха перед разбойниками, заговорами или войной, а также хлебными бунтами и крестьянскими восстаниями, вспыхивавшими с начала весны и порой возникавшими уже в период Великого страха; сам Великий страх являет собой лишь одно из событий лета 1789 года. В то время, когда урожай был еще не собран, Великий страх рождался не из-за опасений, а из-за уверенности в неизбежном набеге разбойников или приходе иностранных армий: убежденность вызывала мобилизующую панику — ужас, охватывавший за несколько дней большинство деревень и городов страны. Жорж Лефевр уточняет масштабы этой тревоги и отмечает, что она щадила некоторые удаленные районы, в которых до этого часто происходили крестьянские бунты. Он терпеливо объясняет механизмы этого ужаса: возникновение шести или семи первоначальных эпизодов между 20 (в Нанте) и 28 июля (в Рюффёке), а затем распространение паники-«предвестницы», постепенно набирающей обороты. Чтобы лучше понять стадии тревоги, автор исследует пути движения информации, размышляет о возможных естественных преградах (горы, реки и т. д.), определяя места пересечения различных страхов. Он также уделяет особое внимание

---

¹ «Народы и цивилизации» (*фр.*).

видоизменениям этих опасений и их региональным вариациям, которые, по его мнению, объясняются географией, политикой и социально-экономическим положением.

Стоит отметить, что с самого начала Лефевр стремится сделать главной темой своих размышлений причины и значение Великого страха. В первую очередь речь идет о причинах, которые он ищет путем погружения в массовое сознание. В отличие от людей 1789 года, он отвергает теорию заговора, а в противоположность Ипполиту Тэну не признает в качестве причины ослепление или жестокость толпы. На основании судебных допросов, переписки и других личных письменных документов он напоминает о тревогах населения, сталкивавшегося с бродягами, нехваткой продовольствия, чрезмерным налоговым давлением и господским гнетом, со смутными слухами из столицы, недоверием к так называемым аристократам, которых часто подозревали в заговорах против третьего сословия и Национального собрания. Он пытается понять, что делало слухи правдоподобными. Истоки Великого страха Лефевр видит в синтезе многочисленных фобий населения и вскоре основательно изменившейся уверенности в существовании «заговора аристократов». По мнению Лефевра, характер реакций и их несоразмерный масштаб объясняются только социально-психологическим климатом. Между причиной и следствием он вставляет интерпретацию через «коллективное мышление» (*mentalité collective*). Принимая панику всерьез, историк показывает ее скрытые смыслы: он выявляет беспокойство и ожидания, а также коллективную сознательность и способность к сопротивлению у населения, уже проявившиеся в хлебных бунтах и крестьянских восстаниях.

Третий фактор заключается в том, что Жорж Лефевр подчеркивает важность этого коллективного феномена

в истории Французской революции. По его словам, паника вовсе не является незначительным эпизодом, а относится к числу «важнейших событий в истории нашей нации». Здесь его взгляды приближаются к взглядам Жюль Мишле и Жана Жореса. Он не так лиричен, как Мишле, и не утверждает, что с волнениями того лета «Франция стала солдатом», зато он обращает внимание на многочисленные проявления солидарности между деревнями или городами и деревнями во время Великого страха. Он видит в этом не только зарождение федеративного движения, но и «первую всеобщую мобилизацию» — национальный порыв, коллективное вхождение в политику, которое вынудило Национальное собрание отменить привилегии. Пользуясь случаем, он напоминает об особенностях сельской революции («Крестьянский народ взял свою судьбу в свои руки»), а также о сопровождавшем ее ограниченном насилии. Перечисляя три случая убийств, произошедших в Баллоне (департамент Сарта) и Ле-Пузене (департамент Ардеш), он описывает народ, далекий от образа «черни» у Ипполита Тэна.

Как ни странно, в монографии «Великий страх 1789 года» почти не уделяется внимания анализу коллективного поведения: слово «толпа» встречается в ней редко, а механизмы, побуждающие людей действовать сообща, ставить цели и формулировать лозунги, как таковые не изучаются. Тем не менее эта тема красной нитью проходит через всю книгу. Уже в год ее публикации Жорж Лефевр читает лекцию о революционных толпах, которая через два года войдет в сборник *Publications du centre international de synthèse*¹. В некотором смысле эту лекцию можно считать дополнением или продолжением его книги. Рассматривая понятие «толпа» и феномен коллектива, Жорж Лефевр

---

¹ «Публикации Международного центра синтеза» (*фр.*).

углубляет анализ «революционного менталитета» (он использует именно это выражение). Он осознает значимость дискуссии.

Еще до Французской революции 1789 года слово «толпа» стало ассоциироваться с беспорядками, а следовательно, и с опасностью. В неуправляемую массу могут превратиться даже зеваки, собравшиеся посмотреть зрелище, как это произошло во время фейерверка, устроенного в 1770 году по случаю свадьбы дофина, когда в результате паники и давки погибло около 130 человек. Луи-Себастьян Мерсье пишет о «громдном стечении народа, направлявшегося толпами при плохом освещении», «об ужасной давке» и «страшной сумятице». Склонное к проявлениям насилия, такое скопление людей внушает еще большее беспокойство, когда переходит к бунтарству, а тем более — во время революции. Историки XIX века чаще всего описывали эти революционные толпы как сборище агрессивно настроенных людей, как инфантильную массу, которой легко могут манипулировать «вожаки», но в то же время и как безобидных обывателей, способных на доброту, когда у них проходит «бешенство, ослепление и опьянение опасностью» (Мишле). Уже в 1790 году Эдмунд Бёрк заклеил «банду проходимцев и убийц, от которых несло кровью». Менее чем через столетие Тэн описывает, как из толпы рождается «варвар, гораздо хуже первобытного животного — гримасничающая кровожадная и похотливая обезьяна, убивающая с ухмылкой». Так убийство превращается в «навязчивую идею» — тему, к которой в 1895-м («Психология масс», *Psychologie des foules*), а затем и в 1912 году («Французская революция и психология революций», *La Révolution française et la psychologie des révolutions*) вернулся Гюстав Лебон. В связи с развитием психологии и социологии его претендующая на научность версия по-

вторяет идеи Тэна: толпа «в животном состоянии», последствия «психического заражения», присутствие «криминальных элементов», «дегенераты», возвращающиеся к «дикому состоянию».

Жорж Лефевр первым выступил против этих идей. Возвращаясь к темам, обозначенным в монографии «Великий страх 1789 года» и в его трудах о крестьянах, и опираясь в своих рассуждениях на исследования социологов, психологов или философов (Жоржа Дюма, Анри Делакруа, Мориса Хальбвакса и других), он доказывает, что революционная толпа не существует в состоянии «скопления животных», поскольку ее участники в той или иной степени всегда зависят от ментальности. Достаточно одного события, чтобы задействовать определенные элементы и запустить групповое сознание — «состояние толпы». Вот поэтому революционная толпа неизбежно предполагает наличие «соответствующего менталитета», что вызывает ряд вопросов: какова роль политизации? Какие отношения у толпы с революцией? Какую роль играло насилие? Какие люди входят в состав толпы? Также не следует забывать и о существовании контрреволюционных толп... Этим фундаментальным текстом, доказывающим, что поворотные моменты в историографии определяются не одними книгами, Жорж Лефевр вводит важнейшее новшество — понятие «революционная толпа». Он открывает путь многим дальнейшим исследованиям, лучшим примером которых остается работа британского историка Джорджа Рюде «Толпа во Французской революции» (1959).

Лекция Жоржа Лефевра обращает на себя внимание в первую очередь благодаря этим новым направлениям, поскольку критика того времени сосредотачивалась преимущественно на книгах, а не на статьях и научных сообщениях. Однако даже монография «Великий страх 1789 года»

не получила признания, соответствующего ее значимости. В выпуске *Revue historique*¹ за июль — декабрь 1932 года были опубликованы две рецензии: если Анри Сэ посвятил «Великому страху» только одну страницу, то Анри Кальве написал больше четырех страниц в статье «Аграрные вопросы во времена террора» (*Questions agraires aux temps de la Terreur*). Более того, Анри Сэ начинает свою рецензию с утверждения, что речь идет о «хорошем общем исследовании одного из самых любопытных феноменов Французской революции», а завершает ее упоминанием случая в Дофине, где произошли «самые крупные беспорядки, как это было отражено в 1904 году в *превосходной* монографии г-на Конара»... В остальном его мало интересуют другие примечательные особенности, кроме описания направлений Великого страха. Анри Кальве также пишет рецензию на книгу (объемом немногим более двух страниц) и отдает ее в журнал *Annales historiques de la Révolution française*. Но он только ограничивается замечанием, что рецензируемая книга, «содержащая многочисленные факты и идеи... представляет собой самое яркое и наиболее полное отражение начала Французской революции в провинции». Книга также не осталась незамеченной и в англосаксонском мире, о чем свидетельствуют две короткие, но положительные рецензии в журналах *American Historical Review* (Гарретт, апрель 1933 года) и *Journal of Modern History* (Готшалк, декабрь 1933 года).

Только две рецензии подчеркивают глубокую оригинальность работы и ее связи с социологией: это не просто очередная книга о начале Французской революции — она позволяет читателю погрузиться в самые недра тогдашнего общества благодаря выявлению важнейших психологических элементов, необходимых для понимания тол-

---

¹ «Историческое обозрение» (*фр.*).

пы. В феврале 1933 года в *Revue de synthèse historique*¹ выходит объемная рецензия, написанная Люсьеном Февром. Она начинается с того, что рецензент, разумеется, отмечает новизну книги по сравнению с предыдущими историческими трудами, а именно с работами Олара, в то же время отдавая должное интуитивным предположениям, сделанным Жоресом в «Социалистической истории Французской революции» («В очередной раз Жорес проявил себя здесь как историк, обладающий даром особенно тонкого восприятия человеческой реальности»). Но Февр акцентирует внимание на совершенно другом: «Именно в этой части книга г-на Лефевра, столь важная для приобретения качественных знаний и полного осмысления нашей революции, оказывается вместе с тем крайне интересной для историка, который хочет получить представления о коллективной психологии. В этом плане он вносит первостепенный вклад в исследование дезинформации, которую подхватывает, раздувает и стремительно распространяет массовое сознание волнуемого общества».

По мнению рецензента, научная новизна Лефевра состоит в том, что он изучает «искажающую работу воображения», которая может служить методологическим примером для других исследований. Наконец, Люсьен Февр упоминает статью «Размышления историка о ложных слухах военного времени», опубликованную в 1921 году в специальном номере *Revue de synthèse historique*, посвященном Первой мировой войне, и сближает таким образом два эссе. А ведь автором этой статьи был не кто иной, как Марк Блок, написавший тогда важнейшие для будущей работы Лефевра строки: «Вымышленные истории поднимали толпы. Слухи во всем их многообразии — обыч-

---

¹ «Журнал исторического синтеза» (*фр.*). — *Прим. пер.*

ные рассказы, вранье, выдумки — стали неотъемлемой частью жизни людей. Как они появляются? Из каких элементов формируется их содержание? Как они распространяются, усиливаясь по мере того, как передаются из уст в уста или из текста в текст? Для тех, кто любит размышлять об истории, нет ничего интереснее поиска ответов на эти вопросы».

Двенадцать лет спустя тот же Марк Блок пишет восторженный отзыв о монографии «Великий страх 1789 года» в журнале *Annales d'histoire économique et sociale*. Оливье Дюмулен недавно предположил существование «очевидного примера зеркального чтения: Блок узнает себя в ходе рассуждений Жоржа Лефевра». Такое суждение также справедливо и при смене ролей с учетом исследований самого Блока и его статьи 1921 года. Вместо того чтобы акцентировать внимание на новых фактах, установленных Лефевром в ходе изучения феномена Великого страха, Марк Блок констатирует его вклад в только формирующейся на тот момент области, которая в дальнейшем получит название истории ментальностей: «Следует отметить, что наибольший интерес этого феномена для историка заключается прежде всего в его симптоматической ценности, позволяющей определить состояние социального тела. Вот в этом и проявляется наибольшая оригинальность метода г-на Лефевра. Исходя из этой совокупности множества незначительных, на первый взгляд очевидных, фактов, сама красочность которых часто скрывала их глубинный смысл, автор шаг за шагом ищет их объяснение и погружает нас в недра французского общества — в его внутреннюю структуру и переплетения его многочисленных течений. Галлюцинация (а это действительно галлюцинация) может быть информативной только в психопатологии. Но извлечь из нее тайны способны лишь выдающиеся наблюдатели».

Этим трем историкам еще будет суждено встретиться до начала Второй мировой войны: об этом свидетельствует номер газеты *L'Humanité*¹ от 24 октября 1938 года с анонсом программы «общедоступного курса по истории Французской революции», организованного движением *Paix et Liberté*² накануне празднования ее 150-летнего юбилея. Вступительную лекцию провел Люсьен Февр, а одно из 12 запланированных с ноября 1938 до февраля 1939 года заседаний было поручено Жоржу Лефевру и посвящалось теме «Революция и крестьяне». Расстрелянному немцами Блоку не придется увидеть после 1945 года развитие успеха того, что получит известность как школа «Анналов». А Лефевр потеряет своего брата, казненного в Германии, и так и не сможет восстановиться после этой утраты.

Что осталось от этих двух исследований 1932–1934 годов в первых десятилетиях XXI века? Историографию Французской революции иногда представляли как несовместимую со школой «Анналов», однако исследования в этой области во многом способствовали формированию «истории ментальностей»: в частности, благодаря деятельности Мишеля Вовеля, который неоднократно отдавал должное новаторским работам Жоржа Лефевра. Став классическим произведением, монография о Великом страхе почти не предоставляла возможностей для появления других исследований по этой теме. В период между 1933 и 1936 годами в журнале *Annales historiques de la Révolution française* о Великом страхе были опубликованы несколько текстов, включая текст самого Лефевра, а также статью Луи Жакоба (1936) о том, что происходило в Артуа. Очередные публикации на эту те-

¹ «Человечество» (фр.).

² «Мир и Свобода» (фр.). — Прим. пер.

му появляются в 1949 году, а потом в 1950–1970-е годы (среди них еще несколько статей 1960 года за авторством Лефевра, опубликованных вскоре после его смерти в 1959 году). Затем интерес к этой теме угасает, за исключением отдельных статей и книги Клэя Рамзи (1992), посвященной историческим событиям в окрестностях Суассона.

Что касается исследований о толпе и бунтах, то в этой области отдельно стоит отметить работы Джорджа Рюде, хотя детальное изучение «французского мятежа» наравне с Жаном Николя продолжали и многие другие англосаксонские историки (Эрик Хобсбаум, Ричард Кобб, Эдвард П. Томпсон, Колин Лукас) и последующие поколения исследователей. По следам Лефевра также пошли другие историки, изучавшие значимость эмоций в социально-политическом бурлении 1791 года во время попытки бегства короля в Варенн (см.: *Tackett T. Le roi s'enfuit.* 2004).

Наряду с эпохой Французской революции в поле внимания историков попадали и другие периоды: например, «Великий страх 1610 года» (Мишель Кассан, 2010) или распространение слухов во Франции в XIX веке (Франсуа Плу, 2003). Еще остается «революционный менталитет» (Мишель Вовель, 1985): эта тема вдохновляла и продолжает вдохновлять многочисленные исследования (ее также затронул Альбер Собуль в своей диссертации, посвященной парижским санкюлотам). Политическая социальность и распространение лозунгов, зрелища и праздники, религия и дехристианизация, язык и картина мира, насилие и смерть — все эти области исследований продолжают успешно развиваться по направлениям, обозначенным в свое время Жоржем Лефевром.

Завершая предисловие, мы хотели бы предоставить слово самому Лефевру. В письме, отправленном 10 сен-

ВЕЛИКИЙ СТРАХ

тября 1946 года историку Гордону МакНилу и опубликованном в 2009 году Джеймсом Фригульетти, он упоминал о своем произведении 1932 года следующим образом: «Я собираюсь отправить вам “Великий страх 1789 года” — это то из написанного мной, чем я горжусь больше всего».

*Мишель Биар,
профессор Руанского университета*

*Эвье Лёверс,
профессор Университета Лилль III*

Предисловие к первому изданию

Великий страх 1789 года — удивительное событие: его внешние проявления часто описывались, но причины никогда не становились объектом глубокого исследования. Сбитым с толку современникам он представлялся загадкой. Те, кто тщился дать ему немедленное объяснение, приписывали это заговору, источником которого, в зависимости от взглядов, считались либо аристократия, либо революционеры. Поскольку именно революционеры извлекли из этого выгоду, вторая гипотеза получила больше сторонников и сохраняет их до сих пор. Тэн, обладавший чувством социальной истории, распознал некоторые факты, вызвавшие панику, но использовал их лишь для объяснения народных бунтов.

Великий страх исследовали многие известные историки, среди которых г-н Конар (историческая область Дофине), мисс Пикфорд (исторические области Турень и Прованс), г-н Шодрон (южная Шампань), г-н Дюбрёй (округ Эврё). Но они скорее описывали распространение паники и ее последствия, чем изучали ее происхождение. В большинстве регионов она пришла извне, а чтобы добраться

до ее истоков, потребовалось бы отдельное исследование, в результате чего автор монографии отклонился бы от основной темы.

У нас пока очень мало таких методически проведенных частичных исследований, и, возможно, кто-то справедливо заметит, что время обобщающего труда еще не пришло. Однако можно возразить, что подведение итогов и указание на нерешенные вопросы, а также предложение возможных решений — это хороший способ вдохновить новые исследования и направить их. Мне близка именно эта точка зрения.

Впрочем, пробелы оказались слишком значительными, чтобы ограничиться использованием уже опубликованных отдельных работ и документов. Далее будет представлено определенное количество новых фактов, которые я смог обнаружить благодаря исследованиям в Национальном архиве, а также в архивах военного министерства и министерства иностранных дел, в департаментских и коммунальных архивах, которые я посетил в довольно большом количестве за последние 12 лет, наконец, в Национальной библиотеке и некоторых провинциальных библиотеках. Фонды не всегда систематизированы, документы разрознены, и Национальная библиотека далеко не полностью располагает всеми местными хрониками. К тому же мои исследования, хотя и многолетние, неизбежно имели ограниченный характер, так что множество фактов наверняка еще предстоит обнаружить. Тем не менее я надеюсь, что внес немалый вклад, и считаю своим долгом выразить благодарность архивистам и библиотекарям, а также их сотрудникам, которые всеми силами содействовали моей работе, как и всем тем, кто предоставил мне известные им документы. В частности, я благодарю коменданта Клипфеля (Мец); г-на Карона, архивиста Национального архива; г-на Поре, архивиста Йонны; г-на Дюэма, архивиста Об; г-на Мореля,

архивиста Эна; г-на Юбера, архивиста Сены и Марны; г-на Эврара, библиотекаря Института географии Парижского университета; г-на Дюбуа, почетного профессора в Конфрансоне (Эн); г-на Жакоба, профессора лицея Жансонде-Сайи; г-на Лесура, профессора лицея в Роане; г-на Мийо, профессора лицея в Саргемине; и г-на Мова, профессора Высшей педагогической школы в Мулене. К сожалению, условия издания не позволили мне снабдить эту книгу всеми вспомогательными материалами и подробной библиографией, но я надеюсь когда-нибудь опубликовать собранные мной документы с необходимыми пояснениями.

В ходе моих исследований я начал с реконструкции потоков паники, последовательно отмечая вторичные причины, и в конечном счете смог найти исходные точки ее распространения; затем я попытался выявить общие причины. Но в этой книге я стремился к синтезу, а не к изложению технического труда. В описаниях, которые читатель найдет в последующих главах, я использовал обратный подход: чтобы достичь истоков Великого страха, мне пришлось вернуться к началу 1789 года, заново рассматривая события, которые его вызвали. Стоит отметить, что, изучая в очередной раз события, произошедшие в этот период, я занял позицию народного мнения. Все, что имело отношение к парламенту и Парижу в целом в это время, на мой взгляд, было известно. Пытаясь объяснить Великий страх, я просто пытался поставить себя на место тех, кто его испытал.

1

ГОЛОД

«Народ, — пишет Тэн в “Старом порядке”, — похож на идущего через пруд человека, которому вода доходит почти до самого рта; при малейшем углублении дна или при малейшей волне он теряет равновесие, погружается в воду и захлебывается». Несмотря на упрощенный характер описания простых людей, сделанные Тэном выводы сохраняют свою значимость. Накануне революции главным врагом для большинства французов был голод.

В бедственном положении рабочих в городах — так называемой городской черни — сомневаться почти не приходилось. При малейшем подорожании хлеба реакция рабочих вызывала тревогу у властей как в Париже, так и в других городах. Наиболее удачливые из рабочих получали от 30 до 40 су, и когда цена хлеба превышала два 2 су за фунт, то в темных кварталах, где они жили, начинались брожения. Кроме мастеров-ремесленников в городах всегда существовало неустойчивое население, состоявшее из разнорабочих и грузчиков — что-то вроде резервной армии, обреченной на безработицу. Во времена кризисов эта армия увеличивалась за счет многочисленных бродяг и сезонных поденщиков.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Лефевр Жорж

ВЕЛИКИЙ СТРАХ

Истерия и хаос Французской революции

Ответственные редакторы *М. Терехова, Е. Солодовникова*
Выпускающий редактор *А. Кочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *В. Алексина, Л. Асанова*
Верстка *Ю. Фролкина*

В оформлении обложки использована картина
Жана-Пьера Уэля «Взятие Бастилии» (1789)

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.01.2026.
Формат 60 × 88 1/16, Гарнитура «NewBaskervilleTC».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,56.
Тираж 2000 экз. М-НІS-35518-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

